

Т. Б. Сиднева³

КЛАССИЧЕСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Плюрализм позиций, чрезвычайная пестрота и многоязычие, характерные для современной худо-

³ Проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор около 150 публикаций, в т. ч.: «Искусство как метафора бытия», «Эстетика постмодернизма», «Эстетика для творческих вузов», «Шум и музыка: логика взаимопревращений», «Современное искусство в ситуации смены парадигм», «Искусство в поисках истины: между элитой и массой», «Музыкально-философские рефлексии Жана Поля Сартра», «Актуальные проблемы высшего музыкального образования» и др. Член Союза композиторов РФ.

жественной культуры, отражают всеобщую установку на обновление, нарушение стереотипов, доходящие до эпатажа. Обратной стороной этой установки являются апатия к разного рода экспериментаторству, «закрытость» сознания, неотделимые от желания вновь и вновь эксплуатировать некогда достигнутый эстетический или коммерческий успех. В русле этих разнонаправленных, порой взаимоисключающих тенденций особую остроту приобретает вопрос о роли классических художественных ценностей в современной культуре, о необходимости классического в жизненном пространстве человека.

Классическое искусство можно отнести к понятиям, значение которых кажется известным «по умолчанию» и не требующим каких-либо обсуждений

и прояснений. В то же время погружение в реальность не дает четкого ответа на определение смысла и границ классики, а в процессе поиска формулировок «легко впасть в ложный пафос и пустую риторику»¹. Определение классического в его метастилевом значении — как «образцового», «совершенного», отражающего фундаментальный опыт искусства — не представляет большой трудности, если мы обращаемся к отдаленному прошлому. Проверенность временем обуславливает пиетет перед шедеврами, а всеобщее признание закономерно превращает их в своего рода «аксиомы культуры». Но сводима ли роль классики к памятнику или музею? В чем заключается ее актуальность в современной культуре?

Острота и принципиальность этого вопроса сегодня обусловлены беспредельной широтой толкования и частотой употребления термина «классика», прочно закрепившегося даже в сфере повседневного потребления. Однако, как известно, повсеместное внедрение термина не делает его содержание более внятным.

В поиске адекватного понимания ценности классического искусства не следует забывать, что этот вопрос неотделим от выявления внутренних механизмов развития культуры, осознания традиции и ее диалога с современностью.

Среди множества дефиниций культуры одной из важнейших является ее толкование как пространства смысловых универсалий, объединяющих духовные устремления отдельной личности и мира в целом. Для полноценного существования культура вырабатывает различные способы организации жизненного пространства, создает «систему кодирования, воспроизводства и трансляции определенных умений, опыта, знаний, которым дана человеческая мера, вернее размерность человечески возможного»².

М. С. Каган определяет культуру как ценностно-смысловую иерархию, в которой смысл отражает личностное постижение, объединяющее знание, понимание, оценку, переживание. М. М. Бахтин обосновывает диалогическую природу смысла, включающего оценку и требующего ответного понимания. Данные определения свидетельствуют о том, что необходимость классических ценностей в культуре обуславливается их включенностью в актуальное содержание человеческого бытия, смысловое пространство культуры. Исходя из этого, многочисленные эксперименты с постмодернистской «актуализацией» классики, в последние десятилетия охватившие театр, музыку, изобразительные искусства, могут быть плодотворными только при сохранении диалогичности смыслового пространства. Если человеку, не знающему оригинальных, изначально задуманных авторами текстов, предложить результаты постмодернистской «экспериментации», — разрываются нити диалога, не постигается смысл произведения, утрачивается роль классического в актуальном пространстве культуры.

В то же время классические художественные ценности — не объект познания или некая информацион-

ная база данных. Ключевое значение Пушкина, Достоевского, Чехова, Моцарта, Чайковского, Шостаковича не в том, что их *знают*, а в том, что вместе с ними *переживают* процесс развертывания смыслов созданных ими гениальных творений. В труде «К философии поступка» М. Бахтин вводит понятие «участное мышление», «участное переживание», то есть не отвлеченное, бесстрастное, теоретико-мыслительное, а ценностное, исполненное человеческой теплоты и целостной полноты жизни. Подчеркивая неотделимость познания от личностного переживания предмета, он утверждает: «Вся общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте»³. Переживать предмет, по Бахтину, значит «иметь его как действительную единственность, но эта единственность предмета и мира предполагает соотношение с моею единственностью»⁴.

«Участное мышление», связанное с установкой на единственность, уникальность встречи с искусством, дает ключ к пониманию вершинных творений былых эпох. В связи с этим следует подчеркнуть, насколько вредоносным — и для формирования личности, и для культуры в целом — является сведение изучения классической литературы в школе к тестированию. Здесь утрачивается необходимая для понимания искусства (да и жизненного пространства в целом) «ответственная участность», или, по определению Бахтина, эмоционально-волевое, *интонирующее* мышление.

Методологически важным для определения роли классических ценностей в современной культуре является понятие «концептосфера». Введенный Д. С. Лихачевым по аналогии и «биосферой» и «ноосферой» термин «концептосфера» фиксирует фундаментальные характеристики языкового мира. Исследователь определяет ее как «совокупность потенциалов, открываемых в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом»⁵. Скучный культурный опыт человека неизбежно проявляется в «бедности» и ограниченности концептосферы его языка — как активного, так и пассивного. И напротив, концептосфера «тем богаче, чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека»⁶.

Очевидная значимость этого понятия в определении роли классического в современном мире проявляется в следующем. Во-первых, человек, пренебрегающий классическим наследием, отличается не только малой осведомленностью в искусстве (риску предположить, что без музыки Гайдна, Моцарта, Бетховена, без знания классиков джаза Б. Гудмена, Чарли Паркера или творчества «The Beatles» прожить можно), не только ограниченностью эмоционального опыта (ведь его мы приобретаем и в переживании жизненных ситуаций). Чрезвычайно существенно то, что у обладающего скудным художественным опытом слушателя не развита «способность быстро извлекать ассоциации

³ Бахтин М. К философии поступка. URL: <http://philosophy.ru/library/bahtin/post.html>

⁴ Там же.

⁵ Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Блиц, 1999.

⁶ Там же. С. 153.

¹ Михайлова М. Эстетика классического текста. СПб.: Алетейя, 2012. С. 5.

² Мамардашвили М. Наука и культура. URL: <http://philosophy.ru/library/mmk/science.html>

из запаса этого опыта и осведомленности»¹. Важно, что жизнь такого наивного слушателя становится одномерной, бесцветной, ограниченной.

Второй принципиально значимый момент — диалог разных концептосфер. В мире языка, как отмечает Д. С. Лихачев, богатство концептосферы «облегчает общение, понимание значения слов, открывает сотворчество, “дофантазирование”»². В искусстве как диалогической форме мышления взаимодействие концептосфер является условием понимания и «участного переживания» художественного опыта, запечатленного в классическом тексте. Причем вживание в художественную реальность классического произведения не предполагает, что мы должны «как бы переселиться в нее» (М. Бахтин) и взглянуть на мир ее глазами. «Творческое понимание не отказывается от себя, от своей культуры», но занимает позицию *вне-находимости*³, тем самым раскрывая и другую культуру и себя во всей полноте. Великие произведения возникают в недрах истории, они фиксируют спрессованный веками опыт. В то же время искусство прошлых эпох перерастает себя, открывая новые смыслы. Как точно замечает Й. Хейзинга, в прошлом мы ищем «скрытое обещание того, что исполнится в будущем»⁴.

Постигая классическое искусство, мы подключаемся к диалогу с иными концептосферами. И полноценность этого диалога обусловлена тем, насколько богат и объемлен в нашем сознании резервуар памяти искусства, происходит ли необходимое сопряжение «горизонтов ожиданий» (термин Х.-Р. Яусса). Весьма любопытным примером может стать «Классическая симфония» С. Прокофьева. После студенческого увлечения творчеством Гайдна композитор пишет (по его собственному признанию) «из озорства» симфонию в гайдновском духе, вступая в яркий остроумный диалог с классиком. Характерное обращение к творчеству Гайдна мы находим и в Первой симфонии А. Шнитке. Она завершается тем, что музыканты оркестра постепенно уходят со сцены под звуки финала «Процальной симфонии» Йозефа Гайдна (подобно тому, как это происходит и в самой симфонии венского классика). Кроме гайдновского сочинения, Шнитке использует многочисленные музыкальные цитаты (из произведений Бетховена, Чайковского, Штрауса, Шопена, Грига).

Упомянутые произведения давно и прочно вошли в арсенал музыкальной классики. Слушатель, включенный в многомерное сопряжение композиторских концептосфер, слышит в этой музыке диалог эпох, и его актуальное, «участное» переживание является условием полноценного восприятия звучания.

Размышления о роли классического искусства в современной культуре закономерно приводят нас к проблеме художественного вкуса. Действительно, почему именно классика способствует формированию грамотной позиции в оценке различных явлений искусства? Как объяснить ее способность создавать в личности защитные механизмы по отношению к вторичности, рутине, пошлости?

В поисках ответа на данные вопросы важный вектор размышлений мы находим в статье В. А. Конева «Метрика пространства человеческого бытия». Говоря о специфике смыслового пространства человеческого бытия, исходным принципом его организации автор полагает «различие позиций». Мерой распознавания различий является граница, которая отделяет значимое от незначимого, свое от чужого, индивидуальное от общего, сакральное от профанного. Граница «дает пространству человеческого бытия многоголосие»⁵ и определяет его главные качества: силу интенсивности и иерархичность.

Создавая и воспринимая искусство, человек сам определяет степень активности, динамичности и отношения соподчинения в художественно-смысловом пространстве. Это зависит от объема «присвоенного» художественного опыта и интенсивности его переживания, которые и позволяют выстроить «многоголосие» видов, жанров, стилей, техник искусства в развитую иерархическую систему.

Роль классических художественных ценностей в пространстве человеческого бытия родственна значению символа. Как пишет Ю. М. Лотман, «в символе всегда есть что-то архаическое. Каждая культура нуждается в пласте текстов, выполняющих функцию архаики. Сгущение символов здесь обычно особенно заметно»⁶. Как «вечный признак подлинного искусства» (Д. Мережковский), символ «всегда темен в своей глубине» (Вяч. Иванов). Он и обуславливает многоликость, многосмысленность и неисчерпаемость постижения истории художественного опыта.

Можно выдвигать разные критерии классического искусства. Это и полнота отражения действительности, и правда чувств, множественность, неисчерпаемость смыслов, и безупречность формы, и сочетание новизны с пиететом перед традицией, и фиксация единства прошлого, настоящего, будущего. Эти критерии действительно «работают» в различных жанровых и стилевых сферах искусства. Не менее важно понять механизмы существования классических ценностей в смысловом пространстве культуры. Современное состояние человеческого бытия показывает, что эта проблема еще довольно далека от своего разрешения.

¹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 153.

² Там же.

³ Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 353.

⁴ Хейзинга Й. Осень Средневековья. М.: Наука, 1988. С. 5.

⁵ Конев В. А. Метрика пространства человеческого бытия // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 7 (88). С. 11.

⁶ Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 1. С. 191.